

– Ты смотришь на меня так, будто я его убил... – Печорин пожал плечами. – А кстати, от чего умер этот Аполлон?

– Не знаю... После дуэли он вел себя очень странно, – начал рассказывать Браницкий. – Потом я два раза заезжал в департамент, но не заставал его на службе. Наконец один коллежский секретарь шепотом поведал мне тайну, которую, наверное, весь чиновничий мир уже знал: Красинский сошел

с ума. Он скинул со всех столов в своем отделении важные бумаги и стал их топтать, утверждая, что это снег... Начальник отделения страшно расстроен и считает, что никто не сможет заменить Станислава Казимировича...

– В таком случае, может, и лучше, что он умер, – перебил Печорин. – Мир его праху!.. Слушай, приходи ко мне завтра. Я угощу тебя тетушкиными наливками и свежими московскими сплетнями.

– Я завтра дежурю.

Приятели холодно распрощались. Но, не пройдя и двух шагов, Браницкий остановился и окликнул Печорина:

– Жорж!

Печорин оглянулся.

– Это мы, мы его убили! – в отчаянии крикнул Браницкий.

В этот момент две выходявшие из нотного магазина дамы испуганно отступили назад и прикрыли за собой дверь.

Мои предки — мастеровые претъего рабочего экипажа

Т. Н. Денисова

По семейному преданию, моя прапрабабка Агафия, рано овдовевшая солдатка, жила на Охте с сыном Иоакимом, который родился примерно в 1856 году. Ее муж Григорий Осьминин погиб, где – неизвестно. Агафия была охтинской молочницей. Она выучила на красnodеревщика сына, женила его и оставшуюся жизнь помогала растить внуков. Это все, что мне было известно о предках охтянах.

Приступив к изучению своей родословной, прежде всего решила ознакомиться с историей Охты. В Российской национальной библиотеке прочитала немало литературы о слободах, Большой и Малой, об их жителях. Так как мой прадед Иоаким Григорьевич был красnodеревщиком, то подумала, не происходил ли он из тех самых петровских плотников-переведенцев, которых по велению царя в 1721, 1722 годах свезли с семьями из северных уездов страны в устье р. Охты для строительства кораблей. Изучила историческое описание Б. Мансурова «Большеохтенские адмиралтейские селения», составленное в 1856 году. В своем труде автор приводит немало имен и фамилий плотников, но мои предки там не упомянуты. Не встретилась мне фамилия Осьминин и в других литературных источниках.

Параллельно с библиотекой искала следы своих предков в Центральном государственном историческом архиве Петербурга. Заказала несколько дел из фонда рекрутского присутствия, чтобы отыскать там какое-либо упоминание о прапрадеде солдате Григории Осьминине. Но в списках рекрутов, призванных в столице на воинскую службу в середине XIX века, он не значится. Скорее всего, призывался прапрадед в другой губернии и к охтинским переведенцам отношения не имел. Решила заняться в ЦГИА СПб метрическими книгами церкви св. Духа на Большой Охте и св. Марии Магдалины на Малой Охте. После того, как установила, что мою бабушку, ее сестру и брата крестили в церкви св. Марии Магдалины, проверила, не крестили ли там же их отца, а моего прадеда Иоакима Григорьевича. В метрической книге той же церкви за 1857 год обнаружила запись о рождении у мастерового 3-го рабочего экипажа Григория Петровича Осьминина и его жены Агафии Трифоновны сына Иоакима¹.

Предположила, что мастеровые 3-го рабочего экипажа занимались строительством кораблей на Охтинской верфи. В начале XIX века на мысу, образованном рекой Охтой при впадении ее в Неву, был

построен Паноптический институт, т.е. заведение для обучения техническим работам для флота, и учебная верфь. После пожара, уничтожившего в 1818 году здание института, на его месте в начале 1820-х годов появились казармы на 600 человек для нижних чинов рабочих экипажей. Для строительства кораблей были сооружены новые эллинги. На верфи помимо охтинских поселян стали трудиться мастеровые, призванные на военную службу. Более 50-ти лет Охтинская верфь являлась одним из центров судостроения Петербурга. Построенные здесь шлюпы «Камчатка», «Сенявин» совершили кругосветное плавание, прославленный писателем И. А. Гончаровым фрегат «Паллада» прошел путь от Кронштадта до Дальнего Востока. А шлюп «Восток» возглавил экспедицию в Антарктику².

В марте 2009 года отправилась на Серебристый бульвар, куда с Миллионной улицы переехал Российский государственный архив военно-морского флота. Сотрудники архива сначала обрадовали меня, а потом разочаровали: фонд 3-го рабочего экипажа в архиве существует, но пока еще в не разобранном после переезда виде. Возможно, он будет доступен к концу года. Пришлось ждать. А мне не терпелось поскорее подальше заглянуть в прошлое.

К тому времени я окончила школу практической генеалогии при Русском генеалогическом обществе и знала о существовании в ЦГИА СПб фонда ремесленной управы. Раз мой прадед Иоаким Григорьевич в метрических записях детей обозначен ремесленником, значит, сведения о нем могут оказаться в этом фонде. Действительно, сохранилось дело прадеда, заведенное в 1876 году в связи с принятием его в ремесленный цех. К делу была приложена копия билета, выданного в марте 1863 года Григорию Осьминину на сына Иоакима.

Билет № 1063

Сыну уволенного во временный отпуск 8-го флотского экипажа Григория Осьминина Екиму Осьминину законнорожденному на службе 9 сентября 1857 года, находящемуся на воспитании при отце матросе Григории Осьминине согласно § 2 Высочайше утвержденных в 7 день апреля 1857 г. правил о пособии солдатским и матросским детям, производит из Кадниковского уездного казначейства денежное пособие за 7 лет, т.е. по 9 сентября 1864 года половинное по 3 р. 50 коп. серебром в год, а с сего времени до 14-тилетнего возраста, т.е. по 1 января 1866 г. – полное, по 7 р. серебром в год, начав отпуск с 1 января 1863 года.

С-Петербург, 12 марта 1863 г.

Командир 8-го флотского экипажа Капитан 1-го ранга Вечеслов³.

Этот документ рассказал мне о многом. Выходит, Григорий Петрович в 1863 году служит уже в 8-м флотском экипаже и отправлен в какой-то временный отпуск на родину в Кадниковский уезд, как я выяснила позже, в Вологодскую губернию. Из Кадниковского уездного казначейства он должен был получать деньги на своего сына до его 14-летнего возраста. Четырнадцать лет Иоакиму исполнилось бы в 1871 году, а деньги почему-то могли выдаваться только по 1 января 1866 года. Не кончался ли к этому времени срок службы моего прапрадеда? Если это так, то его призвали в 1846 году. Первоначально срок службы рекрутов в России был пожизненный. В 1793 году он получил первое ограничение и вплоть до Крымской войны составлял 25 лет. Хотя фактически еще в 1834 году был сокра-

Охтинская верфь. Эллинги. 1840 г.

щен до 20 лет, а на оставшиеся пять лет рекрут отправлялся в бессрочный отпуск, из которого отозвать его могли только в случае войны⁴. В 1860-х годах отставка следовала уже после 20 лет службы.

Получив новые данные о своем предке, опять поехала на Серебристый бульвар искать следы прапрадеда, теперь уже в фонде 8-го флотского экипажа. В книге приказов командира экипажа капитана 1-го ранга Вечеслова прочитала, что в декабре 1862 года рабочие экипажи на Охте были ликвидированы. После Крымской войны эпохе деревянного военного судостроения пришел

конец. Началось строительство металлических кораблей на других заводах Петербурга. Охтинская верфь оказалась менее удобной для нового кораблестроения и потеряла свое первоначальное значение. Поэтому отпала потребность в большом количестве плотников и рабочие экипажи расформировали. В 8-й флотский экипаж из 3-го рабочего поступило 213 человек⁵.

Прочитав книгу приказов за 1863 год, узнала, что моего прапрадеда, уже унтер-офицера, поощрили серебряным галуном, который нашивался на рукав мундира. В том же году в марте Григория Петровича

1 ряд: слева жена Иоакима Григорьевича Осьминина – Мария Ивановна; сидят: И. Г. Осьминин, его мать Агафия Трифоновна, его брат (Алексей или Яков?); дети И. Г. Осьминина: Александра, Владимир, Агафия.
2 ряд: братья М. И. Осьминин – Михаил Иванович, Иван Иванович Луговые и сестра И. Г. Осьминина – Екатерина Григорьевна Осьминина

Осьминина отправили во временный отпуск, о котором говорилось в билете его сына Иоакима⁶. Позже удалось выяснить из другого прочитанного дела, что временный отпуск нижних чинов, как и бессрочный, предшествовал отставке. Но «уволненных в бессрочный отпуск с коричневыми билетами не следует путать с временно-отпускными нижними чинами, имеющими желтые билеты, так как эти последние будут призываться на службу и в мирное время»⁷. Документы нижних чинов, большинство из которых грамоту не знало, писались на бумаге разных цветов. На белой писали паспорт для отставных. Для бессрочно-отпускных использовали бумагу коричневого цвета, для временно-отпускных – желтого, для отправляющихся в продолжительный отпуск для поправления здоровья – зеленого. Синего цвета были билеты для получения денежного пособия на сыновей⁸.

Служебную жизнь своего прапрадеда я начала изучать как бы с конца ее. Осенью 2009 года получила доступ к документам фонда 3-го рабочего экипажа. В первый же день работы с делами фонда в приказе от 7 ноября 1848 года обнаружила в числе 32-х отправленных в домовый отпуск нижних чинов мастерового 2-й роты Григория Осьминина. Карандашом возле каждой фамилии стояли цифры 1 – два раза, 2 – семь раз и 3 – 23 раза⁹. Против фамилии моего предка стояла цифра 3. Что бы это значило? Не количество ли это выслуженных лет? Выходит, мое предположение верно: прапрадед был призван в 1845 году. А срок его службы исчислялся по правилам того времени от 1 января следующего 1846 года. Чтобы подтвердить догадку, следовало заглянуть в книгу приказов за 1845 год. Но она не сохранилась. Из 732 дел, переданных в архив в 1863 году при ликвидации 3-го рабочего экипажа, уцелело чуть больше 70. Выбыли многие интересные материалы.

Через три месяца к 15 февраля мой предок вернулся в экипаж. Не привез ли тогда он из родных мест свою жену Агафию Трифоновну? Пока мне было неизвестно, откуда она родом, когда и где Григорий Петрович сошелся с ней браком. Удалось только установить из метрической книги церкви св. Марии

Магдалины, что в 1854 году у супругов родилась дочь Александра.

В 1857–1858 годы в России проходила народная перепись. Ее материалы – ревизская сказка. Она сохранилась в фонде ЦГИА СПб, где переписаны жители Охты, а также в фонде РГА ВМФ, куда попали сведения о нижних чинах экипажей, квартировавших на Охте. Среди нижних чинов 3-го рабочего экипажа я отыскала Григория Петровича Осьминина¹⁰. Ему на момент переписи 34 года. Значит, родился он в 1824 или 1823 году (позже выяснилось, что в 1825). Жене его Агафии Трифоновне тогда было 26 лет, а единственному сыну Иоакиму, моему прадеду, – семь месяцев. Дочь Александра к тому времени умерла, а сын Иван еще не родился. О его рождении сообщено в приказе за 1861 год.

В деле о народной переписи среди сослуживцев прапрадеда я приискала для его жены Агафии Трифоновны Трифона, подходившего ей в отцы. Им оказался Трифон Игнатьевич Игнатьев¹¹. В 1858 году ему – 46 лет, а его жене, Марфе Семеновне – 45. У них дочь Надежда восьми лет. Теперь на фамилию Игнатьев стала обращать внимание. В январе 1860 года унтер-офицера Трифона Игнатьева отправили в отставку после двадцатилетнего срока службы. Значит, призвали его в 1840 или 1839 году. Если моя прапрабабка Агафия Трифоновна действительно была его дочерью, то искать запись о ее рождении на Охте бесполезно. Скорее всего, она родилась там, откуда Трифона Игнатьевича взяли в рекруты.

Между старшей дочерью Агафией и младшей Надеждой могли быть еще дети. Оставшихся в живых к моменту переписи, вероятно, уже пристроили: дочерей выдали замуж, а мальчики попали в кантонисты. В то время сыновья нижних чинов с самого рождения числились за военным ведомством. Со времен Петра I солдатских сыновей обучали в гарнизонных школах грамоте, письмоводству и ремеслам. В 1805 году эти школы были реорганизованы и получили название кантонистских (от нем. *kantonist* – военнообязанный от округа, кантона). Мальчики пребывали в школе с семи до четырнадцати лет, живя с родителями. А с четырнадцатилетнего возраста

их ждала казарма¹². Александр II Высочайше утвержденными Правилами от 25 декабря 1856 года уничтожил закрепощение сыновей нижних чинов¹³.

В поисках сведений о моем предке Григории Петровиче Осьминине пришлось просмотреть все сохранившиеся дела фонда 3-го рабочего экипажа и прочитать немало материала, касающегося жизни нижних чинов. В 40-е годы командиром 3-го рабочего экипажа был подполковник Трапицын. В 1849 году он умер. Его место занял майор Титов. И при подполковнике Трапицыне мастеровые наказывали за провинности розгами. Вот рекрут Сверчков обратился в Вологодское губернское правление с просьбой выслать в Петербург его жену с двумя сыновьями. Рекрут за это получил 25 ударов розгами: зачем обратился в губернское правление в обход своего начальства? Жене разрешили прибыть в Петербург, но за свой счет¹⁴. Мастерового Игнатьева за покупку фосфорических спичек без бандеролей посадили на трое суток на хлеб и воду, другого за курение трубки в казарме наказали 50 ударами розог¹⁵.

Но подполковник Трапицын был еще довольно мягок с нижними чинами в сравнении с майором Титовым, который оказался жестким командиром. При нем мастеровой Карл Генцель 25 ударов розгами получил только за то, что на крестинах его сына учинилась драка между гостями, тоже мастеровыми. Подравшиеся понесли более суровое наказание¹⁶. За кражу и самовольную отлучку удары на спины нижних чинов сыпались по 100, 150 и 200 раз. Одного мастерового за неоднократные побеги и продажу амуниции наказали шпицрутенами, пропустив его через строй в 500 человек¹⁷ (наказания шпицрутенами и кошками, введенное Павлом I, были отменены лишь 1864 году). Мой дисциплинированный предок ни в одной из 35 книг приказов, прочитанных мной, не упомянут как наказанный. Н. М. Титов в 1850 году был уже подполковник, а затем к 1860 году получил чин полковника и другую должность.

В книгах приказов командира 3-го рабочего экипажа неоднократно говорится о рукоприкладстве офицеров по отношению к нижним

чинам. За это офицеры никакого наказания не несли, отделывались словесным замечанием¹⁸.

Бесправной жизнь нижних чинов была не только в этом экипаже. Вот пример, не связанный с Охтой, но характерный для того времени. Дело происходило в марте 1856 года. Два человека служительской роты при здании Главного Адмиралтейства, не по форме одетые, выйдя за пределы Адмиралтейства, носили воду из Невы для помощника командира той же роты капитана Кастельского. Один из них был в нагальном полушубке, другой в грязном изодранном бушлате. Этих нижних чинов заметило высокое начальство, после чего последовал приказ: «Командиру служительской роты полковнику Иванову вынести строгий выговор; капитана Кастельского за незаконное употребление людей и за допущение их выходить в таком виде арестовать на трое суток с содержанием на гауптвахте; фельдфебеля роты, который был обязан следить за людьми, отправленными из казарм, назначить на один месяц исправлять должность рядового; а замеченных же не по форме одетых двух рядовых наказать розгами по 50 ударов при собрании служительской роты»¹⁹.

Бесспорно, управлять большой массой необразованных людей, а 3-й рабочий экипаж насчитывал 700–800 человек, было не просто. Тупая, беспросветная жизнь мастеровых, занимавшихся на протяжении 20–25 лет службы тяжелым физическим трудом, вынуждала их скрашивать ее пьянством. Когда денег на выпивку не хватало, они воровали для продажи все, что подворачивалось под руку. Подполковник Титов пытался не только розгами воспитывать рабочих своего экипажа. Вот 18 января 1858 года им издан приказ: «Завтрашний день, ежели дан будет шабаш (то есть день отдыха), то прошу г. ротных командиров до обедни заняться с нижними чинами чтением Артикула, наставлением относительно службы, доброго поведения солдат, научить людей стоять прямо, поворотам налево, кругом, здороваться с начальниками, снимать фуражку и вообще, что более всего необходимо для солдата»²⁰.

Смертность среди нижних чинов была высокой. В 1850 году

только за 10 месяцев из 700 человек 3-го рабочего экипажа умерло 50 от тифа, чахотки, дизентерии, воспаления легких, лихорадки, цинги²¹. Да и мудрено было остаться в живых на протяжении 20-летнего срока службы в таких суровых условиях при недостаточном питании, скученности в казармах, продолжительном рабочем дне. Топить голландские печи зимой разрешалось утром, но запрещалось вечером, когда мастера, промокшие или с мороза, возвращались после работы. Два раза в сутки это можно было делать только при морозе свыше 20⁰С. А чтобы не происходило перерасхода дров, во время оттепели рекомендовалось топить через день²².

В одном из приказов за 1856 год речь шла о часовом, простоявшем при морозе –18⁰С шесть часов на открытом воздухе. Не сказано, что с ним произошло дальше, но приказано: впредь не более двух часов, если мороз ниже 10⁰С²³.

За работу на верфи мастеровым полагались небольшие деньги. В 1861 году унтер-офицер получал в будние дни четыре с половиной копейки, за праздничные – девять копеек, рядовой соответственно – три копейки и шесть копеек²⁴. Холостым, в отличие от женатых, они на руки не выдавались, чтобы не пропили. Из заработанных денег у всех мастеровых вычиталось по 30 копеек серебром в треть года (год делился на три части по четыре месяца в каждой) на экипажный образ²⁵. Удерживали с нижних чинов то на постельные чехлы по пять копеек в месяц, то 35 копеек на пошив фуражек²⁶. Мастеровых обязывали постельные чехлы стирать и еженедельно посещать баню. При этом платить за пар и горячую воду по одной с половиной копейки серебром нижние чины должны были из своих средств²⁷. Кроме заработанных денег на мастеровых отпускались еще приварочные на мясо и соль. Холостые объединялись для пропитания в ротные артели, а женатые (к ним относился и мой предок) жили со своими семьями.

Мест в казармах для всех нижних чинов не хватало. К тому же здания казарм были в ветхом состоянии и грозили обрушением. Пришлось селить мастеровых на бывшей фабрике графа Комаровского. Но всех там разместить не удалось. Поэтому

женатых и тех холостых, что были «хорошего поведения», селили в домах охтинских поселян. В 1852 году на обывательских квартирах проживало 450 человек мастеровых²⁸. Обывательские дома на Охте часто горели. В тушении пожара нижние чины экипажа принимали активное участие. Особенно сильный пожар произошел на Большой Охте 15 июля 1860 года. Тушили его 250 человек нижних чинов с полудня и до семи часов вечера. Сгорело тогда 120 домов²⁹.

В 1860 году командиром экипажа назначили капитана I ранга Павла Степанова. Похоже, что он для солдат стал заботливым отцом. Нижние чины в приказах перестали быть чем-то абстрактным, появились записи с указанием их фамилий в связи с женитьбой, рождением в семьях сыновей, отправкой в госпиталь заболевших, отъездом жен на родину. В книгах приказов почти исчезли сообщения о телесных наказаниях. Этот командир экипажа наказывал другим способом. Так один из мастеровых за курение на верфи и за матерные слова был отправлен на работу в праздничный день. Двух других нижних чинов за драку выслали в порт работать в воскресенье³⁰. Фамилии провинившихся записывались в ротный штрафной журнал. Командир экипажа Степанов больше поощрял, чем наказывал, насколько это было возможно. При нем появились пшеничные пироги и чарка водки в дни церковных праздников, вино получарное за работу в мороз свыше 15⁰С, увольнение от работ по случаю дня ангела мастерового³¹.

Крымская война 1853–1856 годов пришлось на время службы моего прапрадеда. После бесславного завершения войны 700 человек нижних чинов и унтер-офицеров 3-го рабочего экипажа были поощрены медалью на Андреевской ленте³². Надеюсь, что и мой предок не остался без той награды.

В поисках полного адреса родных мест Григория Петровича Осьминина (не сразу удалось установить название волости и деревни, откуда он прибыл, а без этих данных бесполезно было обращаться в Вологодский областной архив) пришлось читать дела не только фонда 3-го рабочего экипажа, но и других фондов тоже. В одном из дел мой

интерес вызвал маршрут, которым следовали рекруты из Вологды в Петербург. Передвигались они пешком партиями в 200–300 человек в сопровождении команды из 20 рядовых и унтер-офицеров с прапорщиком во главе. На расстояние в 723 версты затрачивали 55 дней, делая в день по 20–25 верст. Через каждые два дня устраивали дневку, а в Тихвине – пятидневный отдых. Не все выдерживали такой долгий переход. Заболевших рекрутов оставляли в пути, они прибывали в Петербург со следующей партией³³.

Наконец мне повезло: в фонде 406 обнаружила службные списки нижних чинов 3-го рабочего экипажа. Заказала дело за 1854 год и нашла там своего Григория Петровича Осьминина. Оказалось, что происходил он из крепостных крестьян помещика Федора Михайловича Тургенева деревни Кленова Томашской волости Кадниковского уезда Вологодской губ. «Ростом 2 аршина 3 и 5/8 вершка [1м 58 см, потому и не попал во флот], лицом чист, глаза карие, волосы русые. Грамоту не знает. Под судом и в штрафах не бывал. В Петербург приведен 31 марта 1845 г.»³⁴.

В том же деле прочитала запись о Трифоне Игнатьевиче Игнатьеве. Он происходил из крепостных крестьян надворного советника Придского. Призван был из деревни Вереснево Холмского уезда Псковской губ. «Ростом 2 арш. 5 и 2/8 вершка [1м 65 см], лицом бел, глаза голубые, волосы темно-русые. Грамоту не знает. В Петербург приведен 14 декабря 1839 г.»³⁵. Но этот ли Трифон отец Агафии Трифоновны?

Документальные данные о Григории Петровиче Осьминине в РГА ВМФ обрываются в марте 1863 года, когда он с партией в 80 человек из 8-го флотского экипажа был отправлен во временный отпуск в Вологодскую губернию. Однако вскоре последовал императорский приказ о возвращении отправленных в отпуск нижних чинов. Причем возвращались как временно-отпускные, так и бессрочно-отпускные³⁶. С кем же в 1863 году вела войну Россия, если приходилось принимать такие меры? Оказалось, с восставшей Польшей. Император Александр II и правительство опасались вмешательства западных держав. Предполагаю,

что прапрадед и был отозван в это время из Вологодской губернии, ведь каким-то же образом семья его должна была оказаться в Петербурге.

Где же погиб Григорий Петрович Осьминин, если в походах он не бывал и в боевых действиях не участвовал? Решила поискать запись о его смерти в метрических книгах церкви св. Марии Магдалины. Попутно просматривала раздел о родившихся и нашла там записи о рождении еще двух братьев и сестры моего прадеда. Последний ребенок в семье родился в 1869 году и в том же году «от удара» скончался отставной унтер-офицер Григорий Петрович Осьминин³⁷. Выходит, слово «погиб» в семейном предании напрасно прилепилось к слову «солдат».

Умер прапрадед в возрасте 44 лет. Осталась его вдова Агафия Трифоновна одна с четырьмя детьми: старшему Иоакиму – 12 лет, сестре его – шесть, а младшим братьям и того меньше, одному около двух лет, другому два месяца. Прожить на пенсию за умершего унтер-офицера (не более 28 рублей 59 копеек в год³⁸) такой большой семьей было невозможно. Вот и пришлось Агафии Трифоновне стать охтинской молочницей. Скорее всего, своего хозяйства она не имела, поэтому рано утром покупала продукты у окрестных крестьян на местном рынке под названием «Горбушка», а потом переправлялась через Неву в город.

Владея более точными сведениями о происхождении прапрадеда Григория Петровича Осьминина, направилась в Вологодский областной архив. Просмотрела там записи метрических книг и исповедных ведомостей Никольской Новосельской церкви. Выяснила, что родился Григорий Петрович Осьминин в 1825 году. Родителями его были Петр сын Миронов и Федора дочь Яковлева³⁹. Позже удалось побывать в Москве. Там в Российском государственном архиве древних актов по первым трем ревизским сказкам установила, что обе родословные линии родителей Григория тянутся к одному предку Дмитрию⁴⁰, родившемуся на Вологодчине в деревне Кленове в 1660 году. Там же в РГАДА заглянула и в более древние переписные книги. В писцовой кни-

ге за 1627–1630 годы прочитала, что «за Алексеем Васильевым сыном Усовым в вотчине деревня Кленово, а в ней крестьян: во дворе Еремка Русинов з зятем Ермолкою Семеновым, во дворе Ивашка Шумилов с сыном Елисейком; да бобылей: во дворе Петрушка Савельев, во дворе Ивашка Олексеев»⁴¹.

Наш род идет от Ивашки Шумилова, его сына Елисейки Ивановна и внука Фадейки Елисеева, сыном которого и был упомянутый выше Дмитрий. У Дмитрия Фадеевича были сыновья Дмитрий Дмитриевич и Яков Дмитриевич. От Дмитрия Дмитриевича пошла ветка матери Григория Петровича Федоры Яковлевны, а от Якова Дмитриевича – ветка отца его Петра Мироновича. Обе ветки соединились на моем прапрадеде Григории Петровиче Осьминине.

Летом 2011 года мне посчастливилось побывать в том краю, где «за городом Вологдою и за рекою за Сухоною, и за Кубенским озером»⁴² находилась деревня Кленово, существовавшая еще в 90-е годы XX века. Сейчас там – простор и тишина. Ни людей, ни домов, ни сараев. Только трава по пояс, пара берез, старая липа да молодой клен, кем-то любовно посаженный на краю откоса, сбегающего к речке Угорме, из которой жители деревни когда-то брали воду.

У крепостных крестьян до 1861 года фамилии обычно отсутствовали. Поэтому Григорий Петрович Осьминин – первый носитель своей фамилии. Он получил ее при поступлении на военную службу по прозвищу своего отца, восьмого ребенка в семье. Сын Григория, Иоаким Григорьевич Осьминин, выучившись столярно-мебельному делу, стал краснодеревщиком, а в 1887 году вступил в петербургскую Владимирскую биржевую артель. Заведовал складами, служил инкассатором. После смерти Иоакима Григорьевича его сын Константин Иоакимович Осьминин вступил в ту же биржевую артель. Как-то заказала в ЦГИА СПб в фонде этой артели его личное дело и нашла там много интересных документов, в том числе прошение Константина Иоакимовича, адресованное правлению артели, с просьбой предоставить ему отпуск для поправления здоровья⁴³. В прошении он указал адрес, по ко-

тому будет находиться во время своего отпуска: Псковская губерния, г. Опочка, ул. Петропавловская, дом Надежды Трифоновны Герасимовой. Значит, правильно я высчитала отца для своей прапрабабки Агафии Трифоновны: Надежда – ей сестра, а внуку ее, Константину Иоакимовичу Осьминину, она двоюродная бабка. Выходит, не один, а два моих предка, прапрадед Осьминин Григорий Петрович и прапрапра-

дед Игнатъев Трифон Игнатъевич, строили корабли на Охтинской верфи в середине XIX века.

Их потомок, одному он внук, а другому правнук, Владимир Иоакимович Осьминин, брат моей бабушки, окончив в 1909 году училище дальнего плавания, на кораблях ходил старшим механиком. Был моряком и сын Константина Иоакимовича Осьминина, Олег Константинович Осьминин, окончивший это

же учебное заведение. Сегодняшний потомок мастеровых 3-го рабочего экипажа, капитан дальнего плавания Олег Игоревич Витковский водит большие океанские корабли. Есть среди потомков наших унтер-офицеров инженеры, экономисты, полковник-артиллерист, учитель, горный инженер, военный инженер-строитель, музыкант, а также школьники и студенты, у которых выбор профессии еще впереди.

Сокращения:

ГАВО – Государственный архив Вологодской области

РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 766. Л. 88 об. – 89.

² Столбова Н. П. Охта. Старейшая окраина Санкт-Петербурга. М., 2008. С. 41–43.

³ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 4602. Л. 2.

⁴ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1890. Т. 52. С. 531–532.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 14. Л. 45.

⁶ Там же. Д. 15. Л. 65, 91.

⁷ Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 3786. Л. 89.

⁸ Там же. Л. 40.

⁹ Там же. Ф. 800. Оп. 1. Д. 18. Л. 97.

¹⁰ Там же. Д. 46. Л. 18 об. – 19.

¹¹ Там же. Л. 4 об. – 5.

¹² Там же. Ф. 283. Оп. 1. Д. 6086. Л. 1–5.

¹³ Полное собрание Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XXXI. С. 1088.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 800. Оп. 1. Д. 27. Л. 125.

¹⁵ Там же. Л. 137.

¹⁶ Там же. Д. 38. Л. 35 об.

¹⁷ Там же. Д. 20. Л. 101.

¹⁸ Там же. Д. 22. Л. 161.

¹⁹ Там же. Д. 40. Л. 36.

²⁰ Там же. Д. 48. Л. 13.

²¹ Там же. Д. 37.

²² Там же. Д. 40. Л. 47.

²³ Там же. Д. 38. Л. 277.

²⁴ Там же. Д. 61. Л. 7.

²⁵ Там же. Д. 19. Л. 142. Д. 30. Л. 78 об.

²⁶ Там же. Д. 55. Л. 109.

²⁷ Там же. Д. 17. Л. 69.

²⁸ Там же. Д. 22. Л. 34 об.

²⁹ Там же. Д. 60. Л. 1–30.

³⁰ Там же. Д. 68. Л. 43 об. Л. 18

³¹ Там же. Л. 94 об.

³² Там же. Д. 62. Л. 19.

³³ Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 2997. Л. 1–15.

³⁴ Там же. Ф. 406. Оп. 5. Д. 508. Л. 325 об.

³⁵ Там же. Л. 229 об.

³⁶ Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 3756. Л. 2.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1076. Л. 1106 об. – 1107.

³⁸ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 35. Л. 81–82.

³⁹ ГАВО. Ф. 496. Оп. 11. Д. 55. Л. 798 об.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 693. Л. 1452 об.

⁴¹ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 14718. Л. 413.

⁴² Там же. Д. 14879. Л. 1.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 1836. Л. 16.

